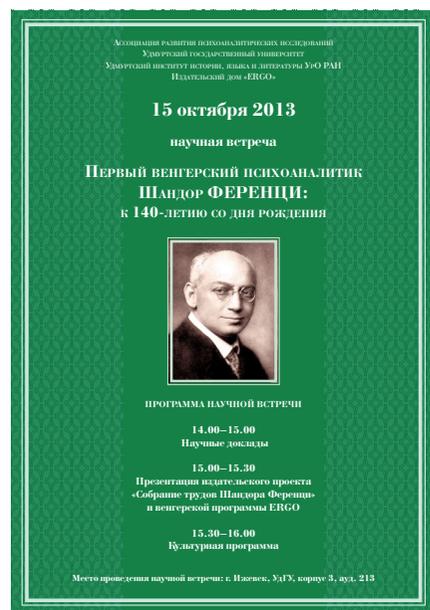

■ СОБЫТИЕ

15 октября 2013 г. в г. Ижевске состоялась научная встреча «Первый венгерский психоаналитик Шандор Ференци: к 140-летию со дня рождения».

В рамках встречи были прочитаны доклады, обсуждающие научный вклад Шандора Ференци в развитие психоанализа, психиатрии и венгерской культуры. Состоялась презентация издательского проекта «Собрание трудов Шандора Ференци» и венгерской программы ERGO.

■ АВТОР

Метнер, Эмилий Карлович (1872–1936) — писатель, музыкальный критик, психоаналитик.

Цитаты из книги:

«Мой антипсихологизм был, очевидно, странного рода. Вопреки моему сознательному научному вкусу, он создал во мне беспокоящее меня, неопределенное любопытство к психологическому, постепенно возросшее до жажды к знаниям, особенно после прочтения Ницше и знакомства с его душевной проблематикой, которая в течение нескольких лет занимала меня как личный вопрос. Если бы у меня не было этой жажды знаний, я не пошел бы снова, причем в тридцать пять лет, будучи отставным чиновником (1908–1909), в Берлинский университет, как студент, чтобы посещать преимущественно психологические лекции и семинары. И я делал это вопреки моему заранее составленному учебному плану, в котором основными предметами были философия и германистика, что соответствовало тогда как моим научным, так и практическим интересам.

Прилежное изучение психологии не удовлетворяло моей любознательности; все казалось мне либо просто введением, вступлением, стагнирующей, персеверирующей, просто понятной пропедевтикой к тому, что за этим не следует, но что единственное следовало бы знать; либо застреванием на частичных опытах и частичных наблюдениях психофизики, сверх необходимой меры уходящих в детали, превратившихся почти в самоцель игры. Какое отношение имело все это к проблемам, которые требовали решения во мне лично и которые я видел всплывающими и ударяющимися друг от друга в мощном движении волны жизни какого-нибудь Ницше или Гёте и должен был переживать вслед за ними? Переживать так, что я самостоятельно, без какого-либо знания комплексной психологии, обнаруживал, что речь, собственно, в уменьшенном масштабе шла и о моих проблемах. Правда, эти проблемы отчасти обсуждались историками литературы. Но такого рода эстетство не могло мне понравиться. Конечно, было еще что-то вроде «понимающей психологии». Но она представлялась мне таким гермафродитом, полуфилософской, полуисторической, литературной, эстетической; ее основным мыслям недоставало остроты. <...>

Практически меня не могли удовлетворить ограниченные, властолюбивые вмешательства в «болезненно личностное»; теоретически я противился такому релятивизму, который ведет себя по-абсолютистски, не важно из гносеологической наивности или из гностицистической заносчивости... Я искал правильный, размышляющий в духе критицизма, сам себя ограничивающий психологический релятивизм, который при таком оформлении все равно продолжает чувствовать себя свободным и имеющим право смело перешагивать границу «болезненно личностного» и создавать свою провинцию в душевной области переставшего быть личностным; т. е. там, где объективные корни простираются в бесконечную глубину; и не просто болезненного, т. е. там, где через коммуникацию с объективным выходят из реактивного, полуживотного брыкания и приходят к чисто человеческому, рефлектирующему пафосу».

■ **EX ERGO LIBRIS**

Э.К. Метнер

О ЮНГОВСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ ПО АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Цитаты из книги:

«Поводом к той моей поездке в Западную Европу стала длившаяся уже много лет болезнь ушей. Примерно 25 лет назад в правом ухе появились симптомы болезни Меньера (vertigo ab aure laesa), соматическая этиология которой до сих пор считается неточной. Ушные врачи сочли мое ухо совершенно здоровым, «это просто нервное». Неврологи прописали мне лечение холодной водой. Однако симптом усиливался от месяца к месяцу, от года к году. В 1913 г. один психоаналитик в Вене заявил: «Жениться и не отчаиваться. Анализ пока не нужен». Второй запланированный мною визит в Вену для консультации у другого аналитика, мыслящего совершенно иначе, сделала невозможным война. Таким образом, ничего не оставалось, как обратиться к «Цюрихской школе». Я знал, что такая существует: один мой русский друг, философ, прошедший фрейдянский анализ и наведший меня на мысль тоже попробовать психоанализ, считал эту «школу» ересью. Поскольку дома я уже в некотором отношении считался закоренелым еретиком, то с той большей смелостью я принял решение стать им еще раз на чужбине».

«Личность Юнга, бесспорно, относится к таким, в которых человек и произведение связаны самым тесным образом. Эта сплетенность заходит у него намного дальше и глубже, чем это обычно возможно констатировать у творческих людей его ранга и схожей специальности. Попросту невозможно дать представление о нем как человеку, если написать литературный портрет только его частной персоны. Так происходит не потому, что его частная персона якобы была в известной степени заброшена или даже увяла, когда он совсем растворился в своей практической и теоретической деятельности и растратил на нее все силы. Так частную персону можно

понизить до тени гения. Если бы все было так, мы не могли бы чествовать Юнга как мастера психологии. Именно его психологическое учение самым настойчивым образом предостерегает от такого утрачивания себя, которое, как бы то ни было, распространено в Европе и угрожает стать опасностью для жизни культуры и для культуры жизни».

«Я также очень скоро распознал в Юнге тот тип человека, который в нашем московском культурном кругу назывался многогранным. Под этим мы понимали не просто многосторонность таланта, разнообразие интересов, склонность к энциклопедизму, к эрудированности, но индивидуальную проникнутость подозреваемыми, не постулируемыми философски взаимосвязями самых отдаленных по пространству, времени, содержанию областей и явлений; не всезнайство, а живое понимание этих взаимосвязей, подчас даже принуждающее человека самым авантюрным образом оставлять свой угол».

«Мне в мыслесозидательном процессе Юнга кажется значительным то, что его интуиция, которой у него как у эмпирика отводится место только после ощущения, так плодотворно сопровождает этот процесс. Как эмпирик он является человеком фактов, вооруженным неумолимым пониманием действительности; и тем не менее интуиция вклинивается весьма решительно, потому что помимо этого он также археолог, изучающий доисторическую эпоху человеческой психики. Доказательством этому является открытие архетипов и предвидение предстоящих возможностей в развертывании европейской психики».

■ **ЗАКАЗ КНИГ**

Заказ на приобретение книг «ERGO» направляйте на email: market@ergo-izhevsk.ru

ISBN 978-5-98904-200-5
84x108 1/32
192 с., обложка